

Плач
хризантемы
на ветру

АЛЯ ЛАВАЛЬ

Алья Лаваль

Плач хризантемы на ветру

<https://litres.ru/74381433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая целительница становится мишенью могущественного врага, поэтому ей приходится объединиться с охотником, связанным с ней старым долгом, чтобы спастись и раскрыть правду о являющейся во снах мертвой сестре.

Содержание

Лепесток первый	4
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алья Лаваль

Плач хризантемы на ветру

Лепесток первый

Когда на сердце светло, в темном подземелье блещут небеса. Когда в мыслях мрак, при свете солнца плодятся демоны.

Хун Цзычен

Тонкая струйка мутноватой красной воды стекала с тонких девичьих пальцев, пока она выжимала кусок грубой ткани. Припухшие от натуги подушечки нежно прошлись по глубокому порезу, оставленному после последнего заказа, на руке Симэнь Ся. Хорошо, что с собой оказались несколько тряпок, позволившие ту же затянуть рану. Во всем виновата хозяйка местной лавки! Неужели не могла не сообщать каждому встречному о приезде чужака? Местная сплетница! Мужчина сжал зубы от досады, вспомнив, как посреди ночи в фанзе старца, у которого он нашел убежище на время своих поисков, ворвались пятеро воинов с изогнутыми саблями на поясе во главе с чиновником, чью нефритовую статуэтку журавля он похитил для заказчика, умело прячась в его родовом поместье. Симэнь Ся повезло подслушать, что замысловатая фигурка относилась к разряду «цзин» и внут-

ри была заточена душа шуйциньгуй, поэтому коллекционер, запросивший именно этот артефакт, предложил его мастеру большие деньги. Но, к несчастью, Симэнь Ся просчитался, попавшись на глаза к словоохотливой торговке. Он был уверен, что именно ее язык следует винить в неудаче.

А как он надеялся на успех! Если бы справился, то мастер, помнивший о заслугах Сяо, проникся бы к нему доверием и позволил бы заниматься более сложными, замысловатыми, великими делами. Неужели он хуже, чем Шэнь Яо? Конечно, нет. Тому лишь посчастливилось родиться в знатной семье, чем он, Симэнь Ся, похвастаться не мог. Ну ничего, он еще покажет, что способен добиться расположения мастера и без привилегий! Симэнь Ся тихо зашипел, когда девушка, нависшая над ним у стола, задела края рваной раны, и поморщился.

– Прошу прощения, – тихо пробормотала она, склонив голову, и Симэнь Ся в очередной раз отметил, какой хорошенькой она была. Густые черные волосы, на макушке спрятанные под острой серебряной шпилькой с красными гроздьями камней на конце, не скрывали длинную шею. Тонкие губы на изящном личике плотно сжимались, когда ловкие руки сосредоточенно стирали кровь с его разодранного вражеским клинком предплечья. Неестественная, почти мертвенная бледность придавала коже болезненный вид, отчего она казалась еще более хрупкой, словно стекло, однако юноше было известно, как крепко эти пальцы могли вонзаться в

болезненную плоть и накладывать швы.

– Линь Шуан! – Донесся строгий голос главной целительницы в клановых одеждах цвета весенней травы, и девушка выглянула из-за ширмы в ожидании приказа. В лучах пред-рассветного солнца сверкнули голубые глаза, и Симэнь Ся поежился, глядя в их ледяную гладь. Подобный цвет ему никогда не встречался ранее, и молодой воин был уверен, что неспроста Боги наградили воспитанницу поместья врачей-телей такими пронзительными очами. А, может, и не Боги вовсе.

– Хватит церемоний. Если не закроешь рану как следует, она может вновь открыться. – В сухом, как горный ветер, голосе наставницы промелькнули недовольные нотки. – И будь расторопнее.

– Будет сделано, госпожа Вэй, – отозвалась девушка и заработала быстрее, проворно обматывая мужское плечо и закрепляя повязку.

Симэнь Ся отметил, как с их последней встречи заострились ее скулы. Не то, чтобы они часто виделись: дороги подопечных целительницы Вэй Нуань и простых служивых пересекались лишь в лечебном крыле поместья Вэй, куда воины приходили за необходимой помощью, да на заданиях, что случалось совсем редко. Тем не менее молодому солдату прекрасно помнилось, как Линь Шуан попала в деревню. Сколько зим уже минуло, две или три? Едва ли кто из жителей не слышал печальную историю о ее семье, что подверг-

лась нападению суйко в западных землях. Любили эти чешуйчатые водные твари шутить над людьми, нападали редко, лишь заигрывались, однако что-то, вероятно, дикий голод поздней осени, выманило их к дому дровосека на окраине села. Ужасающий случай, но не первый и не последний. Линь Шуан действительно повезло, что госпожа Вэй решилась оставить ее под своим крылом.

Вглядываясь в почти прозрачное девичье лицо, Симэнь Ся подумалось, что девушка эта все равно, что туман – тронешь и рассыпется, разлетится на сотни тысяч мельчайших капель, будто и не было вовсе. Скрытая, тихая и эфемерная.

Раздался неловкий кашель. Сдув со лба мешающую прядь, Линь Шуан отвернулась к пузырькам на столике и из недр шкафчика выудила душистый сверток:

– Готово. – Коротко бросила она и протянула травы, замотанные в холщовую ткань. – Заваривайте по утрам. Должно помочь от головных болей.

Симэнь Ся вздернул бровь и, соскочив с низкой лавочки, прищурился:

– Я ничего не говорил о болях.

Его удивило неожиданное заявление. Железный обруч, сдавливающий затылок, словно тиски, действительно мучил его с прошлого полнолуния. Как она догадалась?

Медленно моргнув, девушка притронулась к области у глаз:

– Вы постоянно трете виски. И морщитесь.

После чего вышла. Ее ждало еще несколько раненых.

Сегодня госпожа Вэй занималась несчастным, которого угораздило попасть в лапы Хихи. Линь Шуан никогда не встречала его и искренне надеялась, что так будет и впредь. По словам Мин Бай, толстушки на пару лет старше Шуан, с которой она делила комнату, этот зверь поселялся далеко в горах, но часто спускался в лес, ближе к откормленным диким животным, чтобы найти пищу. В одной из таких рощ неподалеку и стали пропадать люди, а по ночам зловещий смех пугал эхом отражался от деревьев.

– Его ведь потому и прозвали так, – объяснила Мин Бай утром, подготавливая инструменты для госпожи, – Хихи – потому что смеется всякий раз, как видит человека. Говорят, оно такое волосатое и громоздкое, что при смехе верхняя губа закрывает глаза-щелки.

Безутешные вдовцы, чьи жены и дети пали жертвами зверя, подкопили денег и обратились в их деревню с заказом, дабы избавиться от чудовища, да только пара отправившихся на дело воинов послужила обедом страшной твари, а еще один прошлым вечером чудом добрался верхом на обезумевшей лошади, истекая кровью.

«Останется калекой», – отстраненно подумала Линь Шуань, проходя мимо комнаты, где хрипло дышал мужчина. Хихи отгрыз ему руку выше локтя, странно, что бедняга еще не умер от кровопотери. Прошлая ночь была решающей: целители следили за его состоянием, и, если бы зараза не

тронула оставшуюся культю, несчастный вполне бы мог заменить недостающую часть тела протезом. Но боги отвернулись от охотника: госпожа Вэй заметила пятна хвори, говорившие о том, что от зараженной плоти следовало избавиться, дабы мужчина смог выжить.

Мин Бай влетела в комнату. Как старшей ученице целительницы, сегодня ей предстояло помогать госпоже проводить операцию по отсечению конечности. Пока Линь Шуан вместе с другими воспитанницами проверяла других больных, расположенных в левом крыле, меняла им воду, стирала капли пота с лица и подготавливала отвары, крики терзаемого воина эхом отражались в поместье, вызывая дрожь в кончиках пальцев.

Солнце близилось к горизонту. Темнело. Линь Шуан помыла полы в приемной и тщательно стерла пыль со всех пузырьков: госпожа Вэй не любила грязь и приучала своих воспитанниц к чистоте. Любой сор по углам мог вызвать ее недовольство и привести к наказанию: уборке заднего двора или сортировке книг в библиотеке, где можно было застрять на целый день. Поэтому девушка, уставшая после тяжелого дня, в очередной раз проверила все шкафчики. Она пыталась занять руки хоть чем-то, ведь боялась признать, как сильно страшилась идти к себе. Ей было известно, что до утра Мин Бай должна была оставаться рядом с потерявшим руку мужчиной, а это означало, что ночь Линь Шуан вынуждена провести одна. Одна в сгущающейся тьме, чьи щупаль-

да клубились на дереве стен, одна в собственных кошмарах, душивших ее каждый раз, когда она проваливалась в сон, одна в отвратительной реальности, где не было ни одного человека, которому можно было бы довериться.

Скрипнула половица. Отложив влажную тряпку, Линь Шуан коротко склонила голову в уважении. Традиционный халат на вошедшем юноше был оборван у ворота, капли густой черной крови окропили полы, но доспехи, как длинный меч за спиной, он уже снял, предпочтя оставить клинок в ножнах на поясе.

– Доброго вечера, Линь Шуан. Не разберетесь? – Лукавый голос, вызывавший мурашки по коже, прозвучал глуше обычного, не так ярко и громко, как привыкла Шуан. Кивнув на лавочку, она вытащила чистые бинты, и аккуратно отклеила липкий слой халата с кожи вошедшего, бывшего когда-то цвета песков.

– Вы не изменяете себе, господин Шэнь Яо, – отозвалась она, оглядывая следы зубов, оставленные на коже. Линь Шуан налила чистой холодной воды в таз и прошлась по неровным укусам, счищая запекшуюся кровь. – Опять с царапинами? Госпожа скоро запретит вам здесь появляться.

– Мне требуется работа целителя, я ранен. Или вы отказываетесь заниматься мной, многоуважаемая Линь Шуан?

Она промолчала. Не было сил, да и желания участвовать в словесных ссорах. Рядом с Шэнь Яо девушка всегда ощущала себя бледной и невзрачной, все равно, что тень. Две зимы

назад он вторгся в ее жизнь пустынной бурей и перечеркнул, уничтожил все, что она когда-либо знала об этом бренном мире. Неугомонный, неунывающий, будто взрывная волна, Шэнь Яо сносил все и всех на своем пути, сбивая, сшибая своей неисчерпаемой энергией.

Однако Линь Шуан была обязана ему жизнью, а потому не решалась, не могла перечить, когда он вторгался в зыбкую тишь поместья Вэй. Каждый раз он обращался именно к ней, ни к более опытной Мин Бай, ни к настоящей целительнице Вэй Нуань, а к ней, неуверенной в себе воспитаннице, которая с серьезными ранами даже не в силах разобраться. Он все равно звал ее, тряся медным, поблескивающим в свете рыжеватым цветом хвостом, и сверкая ослепительной улыбкой, внимательно разглядывал, словно хотел забраться глубоко внутрь, под кожу, вскрыть грудную клетку и узнать, что же там внутри Шуан. Для нее это было равносильно самой жесткой насмешке.

Своими улыбками и мимолетными приветами юноша бередил в ней старую, так и не затянувшуюся рану, напоминал, с чем ей пришлось расстаться две зимы назад, как ее судьба изменилась в мгновение ока.

В пятнадцать лет Линь Шуан знала, какое будущее ее ждет: такое же, как у бабушки, у матери и старшей сестры. Любящий работающий муж, милый ребенок, создающий немало хлопот в небольшом доме, возможно даже садик со скромными цветами, а затем мирная старость в окружении

близких. Одним словом, скучно, но вполне счастливо.

Тем не менее, когда Шуан, давясь собственными слезами и сдерживая вот-вот готовый вырваться из горла крик ужаса, крепко прижимала к себе хрупкое тельце ничего не понимающего малыша Юаня, осознание неотвратимости безжалостной судьбы камнем свалилось на плечи.

Это должен был быть обычный вечер. Всего лишь празднество, устроенное в честь первого прожитого года племянника Линь Шуан. Поглядывая на сестру, поглаживавшую Юаня по макушке, пока тот, улыбаясь почти беззубым ртом, под хлопки показывал родственникам пухленькими пальчиками известные только ему символы, девушка убедилась, что именно таким является счастье: тихое, со своими тяготами и бедами, но спокойное, размеренное и полное обыденных вещей.

Картинка развалилась на мелкое крошево, когда чудовище разорвало сестрице Йин горло до кроваво-красных лоскутов.

Когда в детстве бабушка заплетала внучке косички, тоном сказительницы передавая жуткие истории о духах, демонах и прочих существах, девочка не верила. Просто сказки повидавшей и слыхавшей много старой женщины, которой хотелось припугнуть внучат и наказать не отходить от дома. Уверилась Линь Шуан в слова давно ушедшей бабушки только в то мгновение, когда в разгар семейного застолья, жалобно скрипнув, пошли трещинами стены, и, запус-

кая внутрь морозный воздух осеннего вечера, ворвалось оно. Безобразное чудовище размером с человеческого ребенка. Дикое. Угрожающее. Горящие красным огнем глаза, темная кожа, покрытая жесткой чешуей, крючковатые наросты по гибкому телу. Насмешливо всматриваясь в перекошенные от ужаса лица, оно нарочито медленно провело длинным языком по остро заточенным желтым зубам и улыбнулось. А затем молниеносное движение, и сестрица Йин, вскочившая на ноги, дабы прикрыть собой сына, рухнула на землю.

Остальное Шуан помнила смутно, будто на глаза набросили белую пелену. Мельтешащие лица, громкий треск, чьи-то всхлипы и рыдания, привел в себя девушку резкий рывок в бок, заставивший подняться с колен – она даже и не заметила, когда оказалась на полу рядом с телом сестры. Она с трудом подняла голову – мама. Поддавшись чужой силе, Линь Шуан безвольно последовала за ней, не отрывая глаз от хрупкой спины. Было страшно увидеть, что творилось вокруг. Протяжный визг, гул. Звуки не смолкали ни на миг. Чудом достигнув угла соседней комнаты, мама одним махом раскрыла занавеску, прятавшую погреб прямо в полу, распахнула маленькую, слившуюся с досками дверцу, сунула в руки шевелящийся сверток – притихшего от страха Юаня – поцеловала в лоб и толкнула вниз, отчего Шуан больно приложилась затылком о дно. Последнее, что увидела девушка – ярко-карие глаза матери, полные слез. Где-то вдали раздался мелодичный звон колокольчика.

Крышка захлопнулась. Шум немного стих. Лишь изредка слышались редкие просящие пощады крики, но вскоре и они исчезли. Сколько прошло времени, она не знала. Просто продолжала укачивать дрожащими руками ребенка, молясь, чтобы он не разревелся и не раскрыл их присутствие.

Вскоре остались только едва слышные завывания осеннего ветра.

Линь Шуан могла позволить себе лишь слабую дремоту, нарушаемую ерзаньем мальчика. Он уставал лежать в одной позе и упрямо старался изменить положение, но, к счастью, не пытался кричать. Может, детская душа ясно понимала, что происходит что-то недоброе.

Почти бесшумно всхлипывая, девушка пыталась не провалиться в сон. Слезы душили. Мама, папа, сестрица Йин, ее муж Ли Шэн, тетушка Линь Сян, старый, совсем больной дедушка и несколько двоюродных братьев и сестер. Неужели их не стало? От воспоминаний о разодранном горле Линь Йин в груди что-то больно кольнуло.

На руках вновь заворочался Юань. По ощущениям наступила ночь, воздух в погребке заметно похолодел. От дыхания взлетало едва заметное привыкшим к темноте глазам облачко пара. Стараясь как можно меньше двигаться, Шуан стянула с себя теплый халат и укутала ребенка, прижав его к груди.

Спину льдом жгли голые стены. Девушка уставилась вперед. Через какое-то время мальчик уснул.

Она не знала, как долго пребывала в оцепенении. Очнувшись лишь тогда, когда слышались гулкие шаги, ступавшие прямо над ними тяжелой поступью. Неожиданно Юань пробудился и хрипло расплакался, хватая ртом затхлый воздух. Топот замер. Испуганно вздрогнув, Шуан вцепилась в края свертка и забормотала колыбельную. Все тщетно. Он не желал затихать.

Кто-то там, наверху, судя по звукам, приблизился к двери погреба. Дернул ручку вверх. Внутри просочились редкие лучи утреннего солнца, режущие глаза жгучей болью. Тоненько вскрикнув, девушка сильнее стиснула ребенка до ломоты в пальцах и вжалась в угол. Вниз спрыгнули. Раздался возглас:

– Господин Шэнь Яо, здесь выжившие!

Крепко зажмурившись, девушка в ужасе взмолилась осипшим от долгого молчания голосом.

– Пожалуйста, не надо.

Сверток потянули вперед. Мальчик надрывно закричал.

– Нет, пожалуйста...!

– Да что ж ты делаешь, – недовольно зашипели в ответ, – не брыкайся, и без тебя дел по горло.

Внезапно кто-то бодро проговорил:

– Постой, Хао Ань!

– Но господин Шэнь...

– Я сам!

На плечи Линь Шуан опустилась нагретая чужим теплом

ткань, пустив по коже мурашки. Она распахнула глаза. Заслонив собой свет, перед ней стояла рослая мужская фигура. Взгляд поймал отливавшие медью волосы, стянутые на затылке, мощные руки потянули ее, заставляя подняться на ноги.

– Тише, – мягко произнесли ей на ухо, старательно заворачивая ее дрожащее тело в чужой халат. – Нас вам не стоит бояться.

Ласковые карие очи, смотрящие на нее, заглядывавшие в душу, согревали. Она даже не заметила, как сильно продрогла. Кутаясь в полы одежды, Линь Шуан почему-то поверила. Поверила и позволила забрать у нее не утихавшего Юаня тому, кого называли Хао Ань, не отворачиваясь от излучавшего уверенность юноши. Он присел на одно колено, сжал у ворота воротник. Исходивший не то от него, не то от халата жар приятно согревал тело, проникая глубоко во внутренности.

– Пойдемте с нами, хорошо? Мы поможем.

Замерев на секунду, девушка кивнула. Сопротивляться не было сил.

Горячее тепло продолжало просачиваться до самых костей.

Линь Шуан тряхнула головой и прочно закрепила повязку, после чего обмыла руки в чистой воде. Шэнь Яо, один из сильнейших воинов деревни молодого поколения, плохо влиял на нее: своим присутствием он напоминал ей о пережитом и заставлял *чувствовать*. А возвращаться к своей

пятнадцатой осени ей не хотелось.

– Работа выполнена, – промолвила она, складывая бинты в шкафчик.

Шэнь Яо потянулся, покрутил головой из стороны в сторону, размял спину и неожиданно выдал:

– Милая Линь Шуан, скажите, а вы когда-нибудь слышали о невероятных свойствах плоти Хихи?

– К сожалению, нет.

– Очень жаль, – прищелкнул языком Шэнь Яо и, облокотившись о стол, подпер рукой подбородок, – думал, смогу посоветоваться с вами.

Ответа не последовало. Линь Шуан упрямо делала вид, что в разговоре она не нуждается, да и, в общем-то, занята, приводя в порядок приемную.

– Поговаривают, что, испив крови Хихи, человек может получить способность видеть духов.

– Люди и так могут их увидеть.

– Лишь когда духи сами того пожелают, – отозвался юноша, не опуская прямой взгляд.

Линь Шуан напряглась. Нехорошие мысли закрались ей в голову.

– Вы хотите сказать, что ваши увечья...

– Да-да, получил в бою с этим чудовищем. Впрочем, ускользнуть ему не вышло, – он махнул рукой в воздухе, словно поразить мечом зверя оказалось плевым делом.

«Вот как», – подумала девушка и покрутила в пальцах ме-

шочек с травами. «Выходит, мастер отправил его вместо того раненного». Она поморщилась, вспомнив, как надрывался мужчина, когда госпожа Вэй оперировала его. Жаль, что, прийдя в себя, в потере руки он начал винить целительницу, грохоча хриплым голосом о том, что доберется до нее. Неблагодарный. Неужели неясно, что госпожа не могла поступить по-другому? Если бы зараза, которую он подцепил во время обратного пути, пошла дальше, то кровь разогнала бы ее по всему телу, что привело бы к мучительной смерти.

Линь Шуан всегда удивляло равнодушие, которое наставница проявляла в подобных случаях. Неужели ее действительно не волнует злые слова, которыми ее забрасывали?

«Либо привыкла», – мрачно заметила девушка.

Со временем она стала перенимать не только знания и навыки госпожи, но и манеру речи, выдержку и способность сдерживать эмоции, что было действительно необходимо с их работой.

– Жаль, рубцы останутся, – продолжил Шэнь Яо и вдруг выудил из недр походной сумки флягу, громко стукнув ею о стол. – Здесь кровь Хихи. Даже не пришлось стараться, из тучного тела она так и хлестала. Ну, так что, Линь Шуан, не откажете ли вы мне разделить сей напиток в приятной компании?

В его открытой позе, отброшенном сторону хвосте, ослабленных чертах лица мелькнуло нечто игривое, легкий прищур и изогнувшиеся брови вкупе с хитрой улыбкой под-

сказали: он совершенно не надеялся, что воспитанница согласится. Охотнику лишь нравилось дразнить ее всякий раз, когда они оказывались рядом, ведь строгое воспитание и рамки приличия мешали ему выразить раздражение, которое копилось в юноше по ее вине. Линь Шуан не обижалась. Наверное, на его месте она могла вести себя хуже.

Девушка вздохнула.

– К моему глубочайшему сожалению, вынуждена отказаться. Вечерняя трапеза оказалась слишком плотной. И настойчиво рекомендую вам не пробовать насытиться подобным... лакомством. Старые поверья могут обернуться ложью, а чужая кровь – погибелью.

Раскатисто хохотнув, Шэнь Яо с размаху вскочил на ноги, потряхнул волосами и с деланной грустью кивнул:

– Как жаль. Что ж, на досуге я поразмыслю над вашим советом и, возможно, прислушаюсь. Кажется, я утомил вас. Не скрывайте усталость за безразличием, прекрасно вижу, как сдерживаете себя. Не буду более досаждать вам, многоуважаемая Линь Шуан, удалюсь в свои скромные покои.

Огрубевшая от многолетних тренировок ладонь, привыкшая держаться на ножнах, съехала вниз по туловищу, и юноша поклонился от плеч, после чего круто развернулся и вышел. Девушка проводила его взглядом. Должно быть, направился в дом главы, куда привык возвращаться, в отличие от своего родного.

Иногда Линь Шуан задумывалась о том, зачем Шэнь Яо

навешает ее, проверяет, как идет учеба, хорошо ли ей у госпожи, нуждается ли в чем-нибудь. Со временем поняла: контролирует. Убеждается в том, что ей ничего не угрожает. Чем выше и заметнее были успехи Линь Шуан, тем дольше он мог жить в относительном покое. Его тревожило не благополучие девушки, а то, какие хлопоты она могла создать. Так беспокоятся о своей животине, которая кормит хозяев. Только Шуан не приносила пользы юноше, а одно ее существование нависало над ним, словно меч.

В ту роковую ночь Шэнь Яо оказался в их доме не случайно. Деревня, из которой он происходил, отличалась от большинства провинций. Мастер Гао держал целую организацию, которая занималась особыми и не очень делами. Оказываемые услуги могли быть самыми разными, от охраны важного лица до кражи определенной вещи. Линь Шуан не знала, где проходит грань того, в чем глава был готов запачкать руки, однако не сомневалась, что нередко его деятельность переступала закон. Все предельно просто: заказчик платит, воины выполняют поручения. Заявки отличались друг от друга, выбор исполнителя зависел от сложности дела. Кто-то был ловок на руку, кто-то отличался острым глазом, но среди всех них отдельные отряды составляли охотники, те, кто справлялись с тварями вне досягаемости человека. Злобные духи, звероподобные существа, мстительные демоны и оборотни, мучившие народ – вот область, которой они занимались.

Только никто не платил за спасение семьи девушки, да и вряд ли бы успел обратиться в деревню. Причина, по которой Шэнь Яо примчался в их дом, крылась в другом.

Прикрыв приемную, она неспешно направилась к себе. Солнце почти село, и легкий мрак накрыл поместье. Линь Шуан вошла к себе в комнату, зажгла масляную лампу и оглядела нехитрое убранство. В комнатке, поделенной двумя низкими деревянными кроватями, кроме циновок и небольшого окна расположились два низких столика на коротких ножках для нее и Мин Бай, пара выдвижных ящичков, длинный стол для каллиграфии, полочка с зеркальцем и вешалка для одежды. Справа у входа примостилась деревянная скамеечка. Присев на нее, Линь Шуан разулась и разоблачилась, надела голубоватую ночную рубашку, оставив лишь плотный бинт, прикрывавший ее левое запястье. Порой оно чесалось, кричало, молило обнажить нежную кожу, но она редко поддавалась этому порыву. Тонкая ткань легко скользнула по острым плечам, приятно охладив каждую клеточку. Опустившись на колени, она вытащила острую шпильку из волос и поглядела на давно знакомые камни, причудливым образом складывающиеся в гранатové гроздья. Должно быть, довольно дорогая вещица, но девушка не продала бы ее ни за какие деньги мира. Шпилька досталась ей при самом рождении в качестве дара от матери, которая в свою очередь получила ее от бабушки. Это была одна из тех немногих крох, связывавших Линь Шуан с прошлой жизнью.

Ловко закрутив непослушные черные пряди, она убрала волосы наверх и обратила свой взор на колокольчик, висящий на цепочке у окна. Резные покатые бока четким контуром проступали в тусклом свете, а красная кисточка еле заметно колебалась в воздухе. В юности отец строго-настрого запрещал брать его в руки, дочери не смели ослушаться, так что за все года лишь два раза звенел медный язычок и лишь два раза мужчины клана Шэнь откликались на его звон.

Около двадцати лет назад отец Линь Шуан укрыв раненого путника, на которого наткнулся в густой чаще леса. Медленно истекая кровью, незнакомец в доспехах примостился за валуном, где и потерял сознание. Отец сжалился и затащил покрытого странными беспорядочными ранами мужчину в повозку, доставил до своего жилища, и долгие недели мать выхаживала мужчину, меняла повязки, обрабатывала укусы и заваривала обезболивающие травы. Она была лекарем, не таким умелым как госпожа Вэй, но ей вполне удавалось справляться с травмами крестьян их села. Воин оказался крепким, выкарабкался, придя в чувства на четырнадцатый день своего пребывания у добрых людей.

Очнувшийся был не многословен, но с признательностью принял помощь, пообещав отблагодарить в ответ. В качестве дара передал он супругам старинный колокольчик: стоит позвонить – и его семья примчится на зов, дабы искупить свой долг. Но лишь три раза могли они воспользоваться колокольчиком, и уже дважды отец Линь Шуан брал его в руки. Пер-

вый раз – когда в муках рожала его жена, второй – когда суй-ко, водяные гоблины, питающиеся кровью, ворвались в их дом.

К тому времени путник, назвавший себя Шэнь Цин, уже одряхлел и не мог откликнуться. Поэтому на смену пришел его сын – Шэнь Яо из благородного клана охотников на нечисть. Именно по этой причине юноша, который, казалось бы, никак не связан ни с ее родом, ни с ней самой всегда держался неподалеку. Опасался: как еще может ему досадить оставшаяся сиротой девушка, какие неприятности способна принести в дом. В том, что одно ее существование на этой бренной земле претило воину, не было никаких сомнений. В конце концов, медный колокольчик мог прозвонить еще раз.

Сердце Линь Шуан дрогнуло, когда порыв сухого ветра ранней весны взвыл за окном. Мысль о том, что ей вновь придется вернуться в терзающую, бередящую душу темноту заставляла внутренности подрагивать, однако поддерживать огонь в бумажном фонаре было бы несомненным расточительством. Линь Шуан задержала дыхание, потушила свет и юркнула на деревянную кровать, коснувшись головой твердого подголовника. Комнату окутал мрак.

Закрыв глаза, Линь Шуан погрузилась в уже давно знакомую бездну, утянувшую ее своими черными щупальцами глубоко вниз.

Кошмары давно перестали удивлять девушку, вонзив свои острые когти в ее слабую плоть, они переросли в удушаю-

щую обыденность, сдавливавшую горло до хрипов по ночам. Все они начинались одинаково: клонящееся к западу солнце, плотный туман, обвивавший толстые стволы уходивших ввысь многолетних деревьев, которые Линь Шуан никогда не встречала. Их листочки, словно вырезанные из тончайших листов серебра, поблескивали в пробивавшихся сквозь белую пелену редких закатных лучей. То и дело раздавался их мелодичный звон: дзынь-дзынь, дзынь-дзынь.

В своих снах Шуан давно перестала бежать прочь, ведь прекрасно знала – скрыться не выйдет. Вот в очередной раз над ухом тренькнуло, она ступила на протоптанную тропу, голую без единой травинки, лишь мощные корни деревьев пронзали почву, затем потянулась к низкой ветке, увешанной чудными листочками. Притронулась к одному из них, провела кончиком пальца по острому краю – на мягкой подушечке проявилась крохотная капля крови, такая же алая, как рубиновые грозди в ее волосах.

Внезапно легкий гул, поднявшийся из самой толщи земли, наполнил воздух вибрацией. Миг – он усилился, и уже не только колени девушки, но и серебряные листочки затрепетали под действием неизвестной силы, отчего редкий звон вокруг перерос в непрекращающийся, тревожный шум осколков. Сгустились сумерки, туман уплотнился, и в установившейся темноте уже невозможно было разглядеть ни деревьев, ни их ветви, только угрожающе нависшие мрачные тени стволов.

Вскоре гул исчез. Стояла такая тишь, словно кто-то выколол ей барабанные перепонки. Линь Шуан давно наизусть выучила свой кошмар, так что происходившее не было ей в новинку, однако когда полупрозрачная костлявая рука играючи коснулась ее плеча, ей не удалось сдержать судорожного вздоха.

Цепкий рывок и стальная хватка вынудили ее обернуться, в следующий момент на Шуан из-под прищуренных век воззрилась девушка, похожая на нее до трясущихся поджилок. Та же бледная кожа, пронзительные глаза, те же брови с изгибом и высокие скулы, тот же мягкий нос и угол челюсти, только ее синюшные губы кривились в презрительной усмешке, обнажая короткие острые клыки, а на лице не было и намека на румянец. Приглядевшись к двум девушкам, можно было подумать, что одна из них подражает другой. Линь Шуан – живая, только-только распускаявшаяся, как цветок лотоса ранним утром, ее красота ласкала глаз своими едва заметными изъянами, искусанными губами и покрасневшими глазами, которые доказывали, что она настоящая. Ее копия – лишь подобие, дорогая кукла из белейшего фарфора, навечно застывшая во времени, роскошная подделка, которая казалась чуждой человеческому миру, но своей в этой безмолвной тиши. Что-то неестественное, безжизненное скользило в ее изящных чертах.

Может быть, потому что она уже была мертва?

– Я ждалась тебя, сестра, – сладко протянула копия,

тряхнув блестящим ониксом черных волос, спускавшихся по расшитому золотыми нитями сяоку цвета первого снега, сливавшимся с цветом кожи девушки.

– Линь Джу, – пробормотала Линь Шуан, отводя взгляд. Сердце зашлось в диком ритме.

Тыльной стороной ладони Линь Джу огладила щеку девушки, приговаривая:

– Неужели ты решила оставить меня, сестрица, променять свою кровь на жалкий мир людей? Почему тебя не было так долго?

Линь Шуан молчала. Внезапно рука на ее щеке соскользнула на подбородок, больно сжала и потянула вперед.

– Почему ты тиха, сестрица? – Ее тон не изменился, но в льющемся медом голосе скользнули капризные нотки. – Неужто вздумала бросить меня одну? Разве ты заслуживаешь жить больше, чем я?

Бескровные губы приблизились к уху Линь Шуан.

– Знаешь, как мне здесь страшно и холодно? Я одна, совсем одна в этом пустом и холодном месте, куда ни одной живой душе нет пути. Никогда я не услышу пение птиц, не познаю чужой ласки, не почувствую тепло близких. – Замерев, девушка не могла найти в себе силы двинуться, острые ногти на ее щеке вцепились сильнее. – Лишь ты способна развеять мою печаль, ведь мы, моя дорогая сестра, были рождены вместе, мы и есть одно целое, ты – часть меня, а я – часть тебя.

Прикрыв глаза, Линь Шуан не отвечала – мучительно долго отсчитывала секунды. Кожу жгли ледяные прикосновения, но она терпела.

– Не удостоишь ответом? – Линь Джу сорвалась на крик и вцепилась в девичьи волосы, путая беспорядочные пряди, вырывая волоски, клоня к земле. – Почему ты всегда молчишь?

Линь Шуан не произнесла ни слова, не позволила ни одному стону сорваться с губ.

– Скажи хоть что-нибудь, – отчаянный шепот прозвучал оглушительнее весеннего грома. – Пожалуйста.

Тщетно. Осознав это, Линь Джу неожиданно легко скользнула пальцами по девичьим волосам, лишь мелькнуло забинтованное запястье, после чего вынула рубиновую шпильку, позволив локонам каскадом рухнуть на хрупкие плечи.

Через пару секунд проснувшаяся Линь Шуан тяжело дышала, опершись локтями в колени. На подголовнике в лунном свете блестело острие шпильки.

– Долго нам еще добираться? – Мин Бай еле ворочала ногами от усталости, волоча в руках походные сумки с травами. Линь Шуан поглядела на часто вздымавшуюся грудь девушки, покрасневшее лицо, покрывшееся капельками пота, и отстраненно подумала, как же она раньше занималась заказами при такой низкой выносливости.

– Разве возница не мог доставить нас прямо до места? Еще

и такое пекло, что свариться заживо можно.

– Мы идем не так долго, – раздраженно отозвалась Линь Шуан.

Признаться честно, ей порядком надоели жалобы пухленькой целительницы. Сначала ей не хотелось отправляться в глушь по указанию Вэй Нуань, затем пришлось выслушивать брюзжание о том, как сильно прыгает повозка по ухабам, теперь же девушка была недовольна длинным путем. Дабы держать себя в руках и не обругать Мин Бай за несдержанность, Линь Шуан припустила вперед, догнав бодро шагающего охотника во главе их маленькой группы.

– Прошу прощения, – раздалось виноватое причитание позади. – Мне очень жаль, что из-за нас вам приходится переносить это.

В женском голосе прозвучали слезы, и несмотря на злость из-за Мин Бай, Линь Шуан прониклась состраданием к говорившей. Несчастливая жена, чей супруг оказался прикован к постели из-за неизвестного недуга, чуть ли не на коленях молила мастера спасти его. У единственного кормильца большой семьи не было сил даже на то, чтобы подняться с постели, а все тело покрылось желтоватыми шелушениями.

– Подумать только, – лепетала Фу Минлин, когда мастер Гао направил безутешную женщину в крыло целителей, – такое чувство, будто кто проклял его, все силы высосал, демон!

На этих словах госпожа Вэй Нуань многозначительно протянула:

– Высосал силы, говорите... Подскажите, а ваш муж верен вам?

Прямой вопрос сбил плачущую Фу Минлин с толку. Загоревшие от тяжелого труда руки прижали серый платок к губам, узкие глаза забегали по сторонам, а в уголках рта проявились глубокие морщины. Замявшись, она неуверенно произнесла:

– Конечно, что за вопросы?

Проницательная Вэй Нуань лишь покачала головой и строго произнесла:

– Вам следует быть откровенными с нами, если вы действительно хотите помочь своему мужу. Линь Шуан, принеси нашей гостье воды.

Стоявшая позади девушка метнулась к кувшину и с готовностью наполнила стакан. Сегодня наставница впервые попросила ее присутствовать при разговоре с клиентом, в то время как раньше такой привилегии удостаивалась лишь Мин Бай. Подобное указание могло означать одно: госпожа уверилась в том, что Линь Шуан достаточно подготовлена, чтобы участвовать в исполнении заказов.

– Это правда, – стакан в сморщенных руках задрожал, и Линь Шуан могла ее понять. Серьезная, местами резкая наставница была способна так взглянуть, что горло от страха перехватывало. Ее прямые волосы, тронутые сединой, несмотря на едва переваливший пятый десяток, подтверждали, что за свою жизнь она многое повидала и во многом раз-

биралась.

– Тогда нам не о чем с вами разговаривать, – ледяным тоном заявила Вэй Нуань, отчего сидящая на коленях женщина подскочила и, чудом не расплескав воду, низко поклонилась, тронув лбом циновку.

– Стойте, пожалуйста, нет, дайте шанс. Вы наша последняя надежда!

– Как мы можем помочь вам, если вы не хотите быть честны?

– Просто я не знаю, важно ли это, но...

– Поднимитесь, – промолвила Вэй Нуань, – мне не нужны ваши церемонии, мне нужны знания, достаточные для того, чтобы заняться делом.

– Вы правы, госпожа. В селе стали поговаривать, что Фу Цзиня стали замечать с незнакомкой. Чужачка, непонятно откуда появившаяся в том месте. Ни имени, ни дома – тем не менее, именно с ней он заходил в лавку и игорный дом. Один раз я решилась спросить у него, что это за женщина, но он, – Фу Минлин вновь всхлипнула и смяла платок в руке, – вспылil и поднял крик, будто я все выдумываю и не должна подозревать его в подобном.

– И вскоре он слег?

– Все верно. Непонятная зараза довела его до горячки.

– Что ж, – госпожа Вэй Нуань поднялась на ноги и сложила руки за спиной, – думаю, теперь мне ясно, с чем связан недуг вашего супруга.

Линь Шуан поудобнее перекинула сумку через плечо и ускорила шаг, стараясь поспевать за широкой поступью Юэ Гюрена, охотника лет сорока, сопровождавшего воспитанниц в село. Ему предстояло расправиться с тварью, высасывавшей жизненные силы Фу Цзиня, в то время как девушкам было приказано восстановить здоровье мужчины.

Пышущий внутренней силой Юэ Гюрен не придавал чужим слезам и жалобам совершенно никакого внимания, предпочитая держаться в стороне. Будучи довольно угрюмым, он едва ли промолвил пару слов во время пути, время от времени косясь на ворчащую Мин Бай. Было заметно, что такое поведение его не устраивало, однако он никак не пресекал ее.

«А надо», – мрачно размышляла Линь Шуан. «Было бы полезно встряхнуть эту вредину».

Справедливо рассудив, что провести время с нелюдимым, но хотя бы тихим компаньоном намного лучше, чем с болтливой Мин Бай, девушка сравнялась с охотником. Тот приподнял бровь, пересеченную старым белесым шрамом, не затрагивавшим левый глаз, но ничего не сказал.

– Когда мы уже будем на месте? – Прозвучало недовольное бурчание, и Линь Шуан закатила глаза.

– Осталось около ли, госпожа.

– Да сколько...

– Хватит, – неожиданно для самой себя прервала девушка Мин Бай и облизнула пересохшие от жаркого воздуха губы.

– Веди себя достойно. Все устали так же, как и ты, однако не жалуются.

Воспитанница стихла. Тем не менее, Линь Шуан затылком ощущала чужое неодобрение. Ну и пусть.

Нужные дороги размыло после периода сильных дождей, накрывавшего местные земли каждую весну, так что повозка не могла добраться до села, где проживала Фу Минлин со своим супругом. Именно по этой причине им пришлось идти пешком по поросшим сорной травой узким тропам среди плотной бамбуковой рощи, где земля бугрилась, обнажая каменистую почву. Фу Минлин успела рассказать, что речка в нескольких ли отсюда вышла из берегов и несмотря на то, что вода быстро ушла, нанесенные ею бедствия не исчезли.

Когда заросли бамбука остались позади и перед взором открылся вид на небольшое село, расположенное в низине, Юэ Гюрен, единственный, кто не выглядел утомленным, остановился и, помедлив, спрятал длинные ножны в полах халата.

– Нам стоит еще раз повторить план, – на нем не было доспехов, так как было решено сохранить их роли втайне и не пугать здешних жителей, – все помнят свои обязанности?

Линь Шуан кивнула.

– Для местных мы лекари, которых Фу Минлин привела из западных земель для Фу Цзиня. Пока я и Мин Бай будем осматривать мужчину, вы найдете следы сяньюли и разберетесь с ним.

– Верно. Будьте спокойны и убедительны – как только кошка почует опасность, уберется прочь, что всем миром не сыщем.

– Не переживайте, – довольно серьезно отозвалась Мин Бай, уставшая молчать последние десять минут. – Мы ведь и так почти лекари...

– Будущие, – пробормотала Линь Шуан.

– ...Так что это не будет ложью. Справимся.

Юэ Гюрен сощурил глаза и повторил:

– Будьте убедительны. Кошка кружит где-то поблизости, недалеко от своей жертвы, вы можете спугнуть ее в любую секунду. Госпожа Фу Минлин, ни в коем случае не показывайте, что вы что-то знаете, ведите себя как обычно.

– Обычно?

– Смотрите за детьми, проверяйте мужа. Вы довольно чувствительны? Пустите слезу, когда займетесь ужином. В общем, не отличайтесь от Фу Минлин, которую знают в округе.

– Господин, – промямлила женщина, – а вы уверены, что именно то существо – корень всех бед?

В ее голосе скользнуло сомнение.

– Мне довелось встречать подобных тварей ранее, так что доверьтесь моему опыту, бессилие вашего мужа – дело рук сянли. Или вернее коготков. Вы когда-нибудь слышали легенду о том, как они появились на свет?

Фу Минлин покачала головой. Путники спустились к подножью холма, где уже виднелись ветхие деревянные крыши.

– Говорят, что когда дикой кошке минует четвертой десяток, состарившись, она вбирает в свою душу силу небожителей и обретает способность обращаться человеком. Только плата за такую возможность высока – чтобы поддерживать людской облик, ей требуется чужая жизненная энергия.

Женщина ахнула и, кажется, ее глаза вмиг наполнились крупными слезами. Линь Шуан взглянула на Мин Бай – ей было известно, что старшая воспитанница госпожи уже занималась подобными случаями, так что сильного волнения не было. Тем не менее, девушка очень боялась подвести гос-пожу.

Подул теплый весенний ветер, на миг охладивший распаренную кожу.

– Кошки действуют на один и тот же манер: обольстив сильного здорового мужчину, они высасывают из него ци. Избавиться от чар можно, только если их снимут добровольно либо если сянли лишится головы. А вот коты обычно поступают более грубым и болезненным путем. В то время как кошки растягивают жертву на долгое время, мужские особи вводят молодых девиц в транс, а после пожирают. И душу, и тело. Иногда даже оболочки не остается.

Пройдя мимо совсем старых дворов, где, как рассудила Линь Шуан, проживало больше пожилых, они вышли к домам, прислонившимся друг к другу почти вплотную. Вдалеке были заметны раскатистые крыши сыхэюаней, однако этот район выглядел значительно беднее.

Обстановка казалась чересчур скромной – в нескольких комнатках кроме супруг ютились пятеро чумазных ребятишек. Старший из них, худой паренек лет двенадцати с большими черными глазами, кивнул матери и спешно увел братьев и сестер, дабы не мешать взрослым.

Приподняв брови, Юэ Гюрен задумчиво почесал подбородок:

– Хозяйка, разве вы не упоминали, что ваш муж служит в поместье местного смотрителя деревни? Отчего же живете так бедно?

Женщина подняла усталые, тусклые глаза и коротко ответила:

– Маджонг

Мужчина понимающе кивнул.

Глава семьи устроился в дальней спальне на циновке у распахнутого окна. Некогда широкие плечи заострились, щеки впали и покрылись щетиной. Синеватые губы едва шевелились, а глаза хаотично двигались под закрытыми веками. Рядом с недвижимым телом стоял таз с чистой водой и кусок тряпки – кто-то из детей присматривал за отцом, промачивая лоб.

– Каковы его шансы? – аккуратно поинтересовалась Линь Шуан, замерев у порога.

Деловито раскладывая связки трав рядом с занемогшим, Мин Бай пожала плечами:

– Прогнозов дать не могу, если верить Фу Минлин, он уже

больше недели без сознания. Однако, горячка означает, что он все еще борется со злыми чарами. Это радует. Держи, окури помещение – сяньли терпеть не могут лимонник, чабрец и перечную мяту.

Линь Шуан с готовностью приняла пучок. Носа коснулся пряный запах эфирных масел.

– Юэ Гюрен отправился в дом к чиновнику, куда заходят сыграть местные. Говорят, именно там Фу Цзиня видели с той девушкой. Мин Бай, а ты когда-нибудь встречала сяньли? Какие они?

– Обворожительные, – подумав секунду, отозвалась девушка. Ее пухлые пальцы ловко распахнули мужской ворот, стянули по пояс и принялись методично втирать пахучую мазь, охлаждающую разгоряченные внутренности. – Я бы сказала, что тот юноша, с которым я столкнулась пару лет назад, когда сопровождала госпожу, без сомнения, самый прекрасный, которого я когда-либо видела. Но, знаешь, есть в них что-то порочное, неправильное. Все в них как-то... слишком. Понимаешь?

– Вроде как.

– Его улыбка пленила своей обманчивой нежностью, а голос ласкал слух тоньше умелого игрока на дицзы. Но все же хищная улыбка и прищур обрамленных пушистыми ресницами глаз, за которыми скрывалась бездна, подсказывали: такого следует держать в сотнях ли от себя.

– Что это был за заказ? Что сяньли успел натворить?

– Он жестоко избавился от девушек из публичного дома недалеко от столицы. – Внезапно Фу Цзинь протяжно застонал, когда Мин Бай принялась разминать ему мышцы, дабы разогнать кровь в венах. – Захаживал к несчастным под видом жадного до любви мужчины, а затем вытягивал из них жилы. К утру бедняжки уже не дышали.

Линь Шуан поморщилась. Конечно, жертв такого чудовища было жаль, однако, если бы они не избрали подобный путь, то и не пришли бы к такому концу. Кого как не их винить в подобном? Спорный вопрос.

– И как же его отыскиали?

– Мы прибыли в квартал по просьбе главы публичного дома, который был обеспокоен смертями. Одна из девушек успела сбежать и несмотря на то, что покалечилась, описала нападавшего охотнику Ну Синю, тому, что на прошлой неделе зашивал у госпожи борозды от когтей на бедре. Вскоре сянли схватили и отрубили ему голову.

– Довольно беспощадно.

– Разве он не был беспощаден с работницами дома?

Линь Шуан не нашлась, что ответить.

К закату похолодало. Не смев ослушаться приказов Мин Бай, которой девушка временно подчинялась, Линь Шуан взяла у хозяйки горячей воды и приготовила успокаивающий отвар из растертого женьшеня.

– Должен очнуться через пару дней, – приговаривала Мин Бай, стирая пот со лба изможденного мужчины. – Он силь-

ный, видишь, температура спала, но душа все никак не утихнет. Нужно отпаивать его, чтобы не метался во сне, и следить за состоянием. Как только Юэ Гюрен избавится от кошки, стягивающие горло путы исчезнут, и он окончательно придет в себя. Запомни, Линь Шуан, сянли не должна вновь притронуться к Фу Цзиню, иначе она может забрать его с концами.

Ночью отойти ко сну не спешили – боялись, что оборотень навестит жертву, зависшую между миром живых и миром мертвых. Караулили по очереди. Первой уснула Мин Бай, Линь Шуан справедливо рассудила, что ей отдых требовался больше – именно она не отходила от больного мужчины ни на шаг.

Линь Шуан не жаловалась. На самом деле, сон вызывал в ней все больший страх. Там ее поджидала Линь Джу, не отступала ни на шаг и заставляла думать-думать-думать о том, сколько же всего Линь Шуан лишилась за свою недолгую жизнь.

Девушка слышала, как за тонкими стенами Фу Минлин уложила детей и осталась с ними рядом. Кажется, раздавались сдавленные рыдания, однако их было легко спутать с завывающим снаружи ветром. Пока масляная лампа отбрасывала тусклые тени, Линь Шуан отчаянно боролась с подступившей дремотой, так что, когда Мин Бай тронула за плечо и кивнула на свободную циновку, она свернулась калачиком и отдалась такой знакомой тьме.

Ее вновь окутал плотный туман, нехотя ласкающий кожу. Резные листочки трепетали под действием невидимого ветра, и что-то опасное, отвратительно тревожное звучало в их звоне. Пройдя пару шагов, Шуан заметила, что стемнело. Обычно солнечные лучи пробивались даже сквозь белую пелену, но в этот раз сгустившийся мрак напрягал. Она ощутила чужое присутствие и резко обернулась.

Линь Джу уже была рядом. Смотрела со снисходительной хитринкой, словно приценивалась, как сегодня могла потешаться над сестрой.

– Ты опоздала, – внезапно серьезно сказала она, блеснув красным огнем раскосых глаз. – Уже поздно.

Линь Шуан прикусила губу. Она предостерегала себя от того, чтобы вступать в разговор с девушкой, только получалось плохо.

– Поздно для чего? – не удержалась она.

– Чтобы скрыться. Я как могла пыталась спрятать наши следы, но ты не хотела и стараться. Теперь все стало только хуже.

Взмах неестественно тощей руки, золотые нити скользнули в воздухе, и Шуан уловила, что же настораживало ее. Линь Джу казалась обеспокоенной, взъерошенной, глаза сильнее обычного отливали красным, а между бровей пролегла морщинка.

– Но все еще можно исправить, если ты сумеешь затеряться. Исчезнуть на время. Затаиться. Не найдут – не смогут

навредить.

– Кто может мне навредить? За что?

– Необязательно вредить за что-то. Можно просто так. Беги, милая сестрица, беги. Постарайся уберечь нас обеих.

Линь Джу наклонила голову, грустно улыбнулась, и Линь Шуан впервые двинулась вперед навстречу ей, желая узнать, понять, о чем та говорит, но в следующий момент чужие руки ухватили ее за плечи и затрясли, вытягивая из липкой пучины.

Сестра растворилась быстрее тумана, в котором той полюбилось проводить свое бесконечное время.

Крепкие пальцы больно вцепились в Линь Шуан, и когда она распахнула глаза, в нос ударил слабый запах гари.

– Проснулась? – Кто-то рванул ее с места, отчего девушка споткнулась. – Уходим, дело плохо.

– Что случилось?

Пока встревоженная Мин Бай тянула Линь Шуан к выходу, она успела заметить, что комнаты заволокло дымом.

– Где Фу Цзинь? Разве ты не должна...?

– Меня отвлекли. Кошка подожгла дверь и, выманив меня, пробралась внутрь! Думаю, Юэ Гюрен успел ее ранить, но не добил, поэтому ей так нужны силы.

– А Фу Минлин? Как же дети?

– Они где-то здесь, хозяйка пытается потушить пожар.

Завидев огонь, пожиравший скромную кухню, Линь Шуан разглядела всполохи коричневых одежд женщины.

– Стой! Мы должны им помочь!

Она потянулась вперед, но Мин Бай втокнула ее в детскую спальню, куда пожарище не успело пробраться.

– Отыскать Юэ Гюрена – вот, что мы должны. Заказ выше всего.

Девушка потянула Линь Шуан к окну и принялась карабкаться наружу. В следующую секунду она уже стояла на дороге, нервно оглядывая пустые улицы.

– Но ведь она может погибнуть!

– Нам платят – мы выполняем! Фу Минлин не дура, знает, когда следует отступить. Давай, следуй за мной, нужно хотя бы перехватить Юэ Гюрена и предупредить, что теперь сыньли сыта и полна сил.

– Что значит, сыта? – Прошептала Линь Шуан, свесив одну ногу наружу. – Ты думаешь, что...

– Да. Скорее всего Фу Цзяо уже мертв.

Внезапно голова стоящей спиной целительницы дернулась в сторону. Рот неестественно приоткрылся, глаза выпучились, грозя вывалиться из орбит. Линь Шуан замерла, наблюдая, как меж раскрытых губ девушки вытекала тонкая струйка темной крови. Покачнувшись, Мин Бай рухнула вниз, обнажив окрашенное алым горло. Рядом с неподвижным телом, ухмыляясь кривыми острыми зубами, перепачканными красным, на Линь Шуан воззрилось мерзкое чудовище, чья кожа была покрыта склизкой чешуей.

Суйко.

Отступив назад, девушка ощутила, как голову пронзила острая боль. Именно такая тварь уничтожила ее семью два года назад. И теперь она пришла за другими несчастными.

Когда гоблин двинулся вперед, Линь Шуан заставила себя захлопнуть окно и броситься назад, вглубь, к огню. Суйко происходил из рода водяных чудовищей, значит, должен бояться огня, разве не так?

Внезапно в комнату ввалилась Фу Минлин, крепко прижимая к груди истошно кричавшего беззубого младенца, за ее юбку держалась испуганная девочка лет семи, а старший парнишка волочил за собой сопротивлявшегося брата.

– Линь Шуан! Раскрывай окно, нам нужно выбираться отсюда! Дверь вся в огне!

– Стойте! – Девушка спешно выставила руки вперед, молясь, чтобы суйко не вломился внутрь. Однако ей было прекрасно известно, что подобная преграда бесполезна против этой твари. – Нам нельзя туда, снаружи чудовище!

Женщина вздрогнула и удобнее перехватила ребенка на руках.

– Чудовище? Что?

Сомнение, переросшее в опасение, мелькнуло в ее глазах, и Фу Минлин настороженно спросила:

– Где мой муж? – Не дождавшись ответа, она оградила детей свободной рукой и выкрикнула вновь. – Где мой муж? Что вы с ним сделали?

– Его... забрали. Сяньли...

В следующий момент женщина сноровисто отскочила в сторону и, схватив бамбуковый зонтик с острым наконечником с полки, выставила его вперед.

– Это вы во всем виноваты! Зачем только подалась к вам, заложила последнее золото! Прочь!

Она истерично всхлипнула и порывисто хлестнула рукоятью воздух. Линь Шуан испуганно отшатнулась.

– Дети, все к окну!

– Стойте!

– Не смей!

Девушка уклонилась от удара бамбука, отступив к проходу, беспомощно наблюдая, как Фу Минлин подталкивает мальчиков к окну, помогает старшему перелезть и одновременно не отводит зонт.

– Вы не можете, постойте...!

Раздался протяжный, отчаянный детский крик, который сдавил грудь Линь Шуан. Когтистая лапа вцепилась в испуганного паренька и рывком вытянула наружу вместе с крохотной девочкой. Взлетели брызги крови. Опешив на мгновение, растянувшееся в вечность, Фу Минлин потянулась за своими детьми, схватила пальцами воздух. Это стало ошибкой – суйко не пожалел ее и совсем крохотного ребенка. В последний раз отчаянный стон материнской скорби прорезал тьму прошедшей ночи, ознаменовав рассвет.

Линь Шуан не медлила. Подлетела вперед, подтянула оставшегося парнишку, вцепившегося в юбку матери, све-

сившейся из окна, и кинулась к огню. Лучше сгореть дотла, чем отдаться такой твари.

Языки цвета раскаленного песка пустыни лизали тонкие стены, дым заволок помещения, отчего глаза нещадно слезились, но девушка не останавливалась. Мальчик в руках крепко ухватился за шею и не издал ни звука, пока она, захлопнув дверь в детскую комнату, подпирала ее длинной скамейкой. Только горячие слезы напоминали ей о том, что он не только видел, но и понимал, что происходило.

На короткое мгновение Линь Шуан вспомнилось, как два года назад она точно так же принимала к груди маленького Юаня и совершенно не могла представить, выживут ли они. Так же, как и сейчас.

«Выживем. Я должна выжить. Снова»

Кухня уже была охвачена огнем. Если верить Мин Бай, дверь в дом тоже. Комната, в которой Линь Шуан и Мин Бай провели день, тоже была недоступна.

«Думай, думай, думай» – девушка пригнулась, закрыла лицо рукой от дыма и двинулась ближе к дверному проему. Оглядела единственный выход из домишки и чуть не расплакалась от облегчения: к счастью, она была сделана из тонкого материала, значительно более хрупкого, чем стены, поэтому к тому моменту дверь полностью сгорела, обнажив проем, словно рот среди обжигающего пламени.

Позади загремело, свирепый гоблин пытался проломить слабо укрепленный проход, пока безнадежно, но с каждым

ударом хлипкие стены дрожали все сильнее. Задержав дыхание, Линь Шуан устремилась напрямик к огню, проскочила мимо рушащихся балок и проскользнула сквозь пламенное кольцо, выбравшись наружу.

Утренняя свежесть охватила своим холодом, и ноги пустились в бег, так далеко, как только могли. Мимо проносились дома, окна, крыши, но девушка не позволяла себе замедлиться ни на шаг. Ей было прекрасно известно, что ей не в пору бороться с суйко, нечем защитить ребенка, а значит, оставалось лишь одно.

Когда она свернула за угол, в стороне послышался чей-то голоса, подстегнувший ее вперед. Неужели чудовище так быстро добралось до них?

Внезапно в голову пришла мысль. Шальная, неправильная, даже отталкивающая, но внутреннее чутье подсказывало Шуан: давай, не жди, не медли, действуй, если хочешь жить. Правая рука нырнула в просторный карман серого халата и выудила аккуратный медный колокольчик, каждая царапина на котором была знакома. Странно, но эта нелепая вещица всегда была при ней, словно ждала своего часа несмотря на то, что когда-то девушка пообещала себе никогда не пользоваться им.

Но этот час настал.

Дыхание сбилось, легкие горели, пятки пульсировали от бега. Собравшись с духом, Линь Шуан ухватила ручку удобнее – стройный перезвон обухом ударил по голове, его

звуки казались лишними в тихой жестокости рассвета.

Запнувшись, Шуан едва не влетела носом в ствол дерева, скорее ощутив, чем заметив, как широкая черная тень настигла ее.

Он не помнил, как кошмар потревожил его сон. Не помнил, как соскочил с постели, натянул доспехи, закрепил заточенные клинки на поясе, а длинный меч за спиной, и выпрыгнул из покоев, грохоча тяжелыми сапогами. Не помнил, как вывел лошадь из стойла, запряг и снарядил, готовясь к пути.

Все, что он помнил – оглушительный, всепоглощающий, пронзающий крепкую плоть звон, проникший в голову, направлявший, молящий прибыть как можно скорее.

Он подчинился ему без сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.